

О.М. Давудов.

ПРИКАСПИЙСКАЯ ТОРГОВАЯ ДОРОГА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

(Работа выполнена по проекту фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономические и этнокультурные связи племен Северо-Восточного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа», в рамках направления «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»).

Благодаря своему географическому положению Дагестан издревле играл важную роль своеобразного евроазиатского «моста», связывавшего два континента. Здесь на стыке гор и моря, по прикаспийской территории пролегает самая удобная, созданная самой природой, дорога, соединяющая Европу и Азию и начавшая функционировать уже на заре человечества. Она, эта дорога, проходит по расширенной в сторону Юго-Восточной Европы Терско-сулакской степи, постепенно суживающейся в длинную (от современной Махачкалы до низовий Самура) и узкую полосу (шириной от 3 до 15 км), незаметно переходящую в приморскую низменность Азербайджана. По этому пути мигрировали из Передней Азии в Дагестан и далее в Юго-Восточную Европу древнейшие люди 1,8 – 1,5 млн. лет тому назад (Амирханов Х.А., 2007). В мезолите с потеплением климата и падением уровня Каспийского моря из Эльбурсских гор Северного (прикаспийского) Ирана в Дагестан проникли люди, оставившие здесь в горных районах чохскую археологическую культуру (Бадер Н.О., 1965. С. 3–16; Амирханов Х.А., 1977. С. 19, 21–23; 1985. С. 28.). Именно эти люди и оказались в генетической основе современных дагестанцев. В последующие времена по этой дороге осуществлялась связь населения Дагестана и Северного Кавказа и Юго-восточной Европы с культурами и цивилизациями Передней Азии и Южного Кавказа. В неолите носители чохской культуры окончательно переходят от присваивающего хозяйства к производящему (Амирханов Х.А., 1987). Это был скачок в культурно-историческом развитии, известная как неолитическая революция. Она безо всякого сомнения происходила при тесных связях с культурами Передней Азии и Южного Кавказа.

Энеолитические памятники Северо-Восточного Кавказа демонстрируют более тесные связи Северо-Восточного Кавказа с Передней Азией, чем это имело место ранее. На Гинчинском поселении обнаружена характерная для памятников Передней Азии поливная керамика и подражания ей, а также кремневые изделия, близкие к переднеазиатским формам.

Наиболее важную роль эта дорога играла в III тысячелетии до н.э. К этому времени относится северо-восточный вариант куро-аракской культуры, куда входят также памятники юго-восточной Чечни, Дагестана и северного Азербайджана (хачмасо-кубинская зона). Куро-аракская культура – это культура раннебронзового века, распространенная в Центральном и Восточном Закавказье, Северо-Восточном Кавказе, Северо-Западном Иране, Восточной Анатолии. Элементы этой культуры проникли в III тысячелетии до н.э. также в Восточное Средиземноморье: Сирию, Палестину.

Для этой культуры в Дагестане характерны поселения, приуроченные к долинам рек, к речным, морским или горным террасам (Мунчаев Р.М., 1975. С. 154,

176; *Гаджиев М.Г.*, 1983б. С. 38, 39.). Каждое из «равнинных» поселений представляет собой целый комплекс различных по размерам и форме возвышений, отдаленных друг от друга на 100–200 м. Некоторые из них представляют собой зольные холмы-тепе (*Мунчаев Р.М.*, 1975. С. 176.). На многих поселениях открыты остатки фундаментальной каменной архитектуры, основным элементом которой было круглоплановое жилое помещение с плоской крышей, центральным очагом и прямоугольным входным коридором (*Гаджиев М.Г.*, 1983. С. 39; 1987. С. 29, 30). Такие жилые сооружения характерны для широкого ареала Закавказья и Передней Азии. К концу периода ранней бронзы на дагестанских (Сигитма) и азербайджанских (хачмасско-кубинская зона) поселениях появляются каменные прямоугольные жилища с закругленными углами. Принципы их строительства, видимо, проникли сюда из Передней Азии и Закавказья, где такие сооружения бытовали с глубокой древности (*Котович В.М.*, 1965а. С. 97–99; *Гаджиев М.Г.*, 1969а. С. 107, 108; 1982а. С. 3, 4; 1983. С. 40; *Джавахишвили А.И.*, 1973).

Б.А. Куфтин и вслед за ним Р.М. Мунчаев, О.М. Джапаридзе, А.И. Джавахишвили, И.Г. Нариманов, К.Х. Кушнарера и Т.Н. Чубинишвили полагают, что куро-аракская культура формировалась на территории Куро-Аракского двуречья (*Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н.*, 1970. С. 182–184; *Мунчаев Р.М.*, 1975. С. 196; *Джапаридзе О.М.*, 1980. С. 7–36; 1980а. С. 42–56) и далее проникла из прилегающих районов Грузии и Азербайджана на территорию Северного Кавказа, в частности Дагестана (*Джапаридзе О.М.*, 1980. С. 49; *Мунчаев Р.М.*, 1961а). Ч. Барней отмечал, что первоначально эта культура зародилась в Восточной Анатолии (область Элязича), хотя допускал, что центром ее распространения могут быть и районы, прилегающие к среднему течению р. Аракс, и отсюда позже проникла на территорию Северного Кавказа. Т. Бартон-Браун полагал, что движение шло с востока на запад из первоначальной родины обитания этих народов – территории Азербайджана и Восточной Грузии (*Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н.*, 1970. С. 182, 183). Исследователи, изучавшие в Закавказье многослойные памятники (О.А. Абибуллаев, И.Г. Нариманов, Т. Бартон-Браун, Т.Н. Чубинишвили и др.), приходят к выводу об отсутствии генетической связи между материалами куро-аракского типа и материалами энеолитических памятников этого региона (*Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н.*, 1970. С. 182, 183). М.Г. Гаджиеву удалось выявить в Дагестане ряд памятников эпохи энеолита и ранней бронзы, материалы которых дают возможность установить постепенное и непрерывное развитие культуры Северо-Восточного Кавказа в энеолите и в течение V–III тысячелетий до н.э. В этой связи справедливо ставится вопрос о зарождении северо-восточного варианта куро-аракской культуры на местной базе энеолитической культуры (*Гаджиев М.Г.*, 1979. С. 6, 7; 1980. С. 5–27; 1981. С. 4–45; 1982б. С. 12–14).

В последние века III тысячелетия до н.э. в культурно-историческом развитии Дагестана, как и всей куро-аракской культуры, происходят коренные сдвиги – распад культурного единства, существовавшего в период ранней бронзы, сопровождавшийся закатом куро-аракской культуры, а также значительные изменения во всех сферах культуры, приведшие в конечном итоге к сложению ряда новых среднебронзовых археологических культур – приморской, присулакской, гинчинской и др., имеющих лишь некоторые общие черты преемственности по отношению к предшествующей культуре, но отмеченных новыми традициями и направлениями культурно-исторических связей (*Гаджиев М.Г.*, 1974. С. 11–28).

На Миатлинском, Чиркейском и др. курганных полях присулакской культуры встречаются погребения в каменных гробницах, ящиках и грунтовых ямах (Гаджиев М.Г., 1974. С. 11–28; Атаев Г.Д., 1980. С. 16; 1982. С. 43, 44; 1985. С. 89, 90). В целом присулакские памятники отличаются синкретическим характером. Это первоначально объяснялось проникновением сюда элементов северокавказской культуры вместе с ее носителями, вскоре растворившимися в местной среде (Гаджиев М.Г., 1974. С. 16), позже – активностью скотоводческих племен южно-русских степей (Гаджиев М.Г., 1984б. С. 25,26).

Керамика со шнуровым орнаментом встречена на памятниках конца III тыс. до н.э. (Сигитма) (Канивец В.И., 1957. С. 158–159) и первой половины II тыс. до н.э. (Миатли) (Канивец В.И., 1959. С. 46–47), а также в чиркейских курганных могильниках, в каменных гробницах вблизи Избербаша и Каякент. Наличие курганов и керамики со шнуровым орнаментом на территорию приморской низменности позволило Р.М. Мунчаеву и К.Ф. Смирнову прийти к выводу о проникновении в Дагестан из Юго-Восточной Европы отдельных групп катакомбных племен, которые вскоре растворились в местной этнической среде (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. С. 193, 197).

Открытие в Дагестане древнейших на Кавказе и на всем юге европейской части страны катакомбных захоронений на Великентском могильнике свидетельствует о весьма сложных этнокультурных процессах взаимодействия оседлоземледельческого населения Кавказа и подвижных скотоводческих племен Юго-Восточной Европы, приведших к формированию такого культурного симбиоза, каким является предкавказская катакомбная культура. Прежде исследователи отмечали кавказский характер металлургии катакомбной культуры, параллели в керамике, погребальной обрядности, сходство антропологического типа кавказского населения и носителей катакомбной культуры степей. Открытие в Дагестане великентских катакомб глубокой древности с учетом других факторов позволяет говорить о значительной роли древней культуры Кавказа в сложении степной катакомбной культуры (Гаджиев М.Г., 1986. С. 35).

Гинчинская культура была распространена в горном Дагестане и юго-восточной Чечне (Ичкерия). В памятниках этой культуры встречается немало предметов материальной культуры, проникшие сюда из Закавказья и Передней Азии или Юго-Восточной Европы.

На территории Приморского Дагестана встречаются подкурганные срубные сооружения. Вопрос о существовании связей между племенами Дагестана и племенами срубной культуры обсуждался неоднократно. Существование этих контактов подтверждали в своих работах А.П. Круглов (Круглов А.П., 1946. С. 88), К.А. Бредэ (Бредэ К.А., 1959. С. 27), Д.М. Атаев (Атаев Д.М., 1970. С. 351–358), В.Г. Котович и В.М. Котович (Котович В.Г., Котович В.М., 1979. С. 16–17) и О.М. Давудов (Давудов О.М., 2000). Правда, существование этих контактов некоторые ученые до недавнего времени продолжали оспаривать (Марковин В.И., 1976 С. 345–348).

В свое время срубная культура рассматривалась как единое целое. В настоящее время хронологические этапы этой культуры, выделявшиеся ранее, – сабатинский и белозерский – ныне рассматриваются как самостоятельные культуры. На раннем этапе между срубными племенами и племенами Кавказа существовали тесные связи, о чем свидетельствуют срубные подкурганные погребальные сооружения, выявленные у сел. Утамыш (Дагестан), Мекенская, Нов. Аршти, Усть-

Джегутинская, Бедены и др. (*Котович В.Г., Котович В.М., 1979. С. 16–17*). На эти связи указывают материалы кургана эпохи поздней бронзы, раскопанные К.А. Байерном в местности «Чампар» близ города Петровска (Махачкала) в 80-х гг. XIX в. Этот курган рассматривается Д.М. Атаевым в качестве свидетельства пребывания срубников на территории Дагестана (*Атаев Д.М., 1970. С. 351–358*). По В.Г. Котовичу имеющиеся материалы свидетельствуют не только о самом факте существования связей между населением Северо-Восточного Кавказа и степных областей междуречья Волги и Дона, но и о том сильном влиянии, которое они оказывали на ход развития местной дагестанской культуры. Причем это влияние он относит к концу каякентско-харачоевского времени (*Котович В.Г., 1982. С. 91–93*). Эти связи продолжались и на сабадиновском и белозерском этапе развития. М.Н. Погребова выделила на территории Азербайджана кировабадскую группу курганов XIII–X вв. до н.э., близки к курганам Нижнего Поволжья, и высказала вполне справедливое суждение о проникновении иранских племен из Нижнего Поволжья в Закавказье (*Погребова М.Н., 1977. С. 128–129*).

Процесс этот происходил следующим образом. В XV–XIV вв. до н.э. лесные племена Центральной Европы (нынешняя территория Германии, Западной Польши, Чехословакии) начинают продвижение на богатые земли Среднего Дуная и Балкан. В XIII в. до н.э. они, увлекая за собой многие племена, жившие южнее, обрушиваются на Италию, Сицилию, Грецию, острова Средиземного моря и Малую Азию. Передовые группы этих племен быстро осваивают морское дело и получают название «народов моря». В 1225 г. до н.э. коалиция «народов моря», в которую входили Туруша (Этруски), Шардана (Сардинцы), Шекелеша (сикулы, т.е. жители Сицилии), акайваша (ахейцы) и лукку (ликийцы), а также ливийцы, вторглись в Египет. Фараон Мернептах с большим трудом отражает это нашествие. В 1190 г. до н.э. «народы моря», среди которых главную роль играют протофригийцы и протоармяне, уничтожают Хеттскую державу. В 1165 г. до н.э. протофригийцы появляются на границах Ассирии. «Народы моря» сразу после падения Хеттской державы, захватив Кархамыш на Евфрате и Кипр, снова двигаются на Египет через Сирию и Палестину с севера и в то же время наносят удар с моря. Фараон Рамзес III отражает это нашествие в дельте Нила. Но через три года оно повторяется снова. Египту снова удается удержаться в своих границах до начала XI в. до н.э., когда он распадается на части. В это же время под ударами дорийцев гибнут основные центры Микенской цивилизации (*Борухович В.Г., 1964*).

В состав другой части т.н. «народов моря» входили и сабадиновские племена (*Sandars N.K.*), которые из своей исходной территории направились на восток и через Прикаспийский проход проникли в Закавказье и Переднюю Азию. Об этом свидетельствуют материалы памятников кобанской культуры на Северном Кавказе, в том числе нижние слои Чми (Кабардино-Балкария), фотографию которого передала М.П. Абрамова О.М. Давудову и материалы Мингечаура (Азербайджан). На этих памятниках встречены компоненты сабадиновской и белозерской культур. Как выше говорилось, эти компоненты отмечены и на памятниках Дагестана. На могильнике вблизи селения Инчхе Казбековского района найден бронзовый кинжал сабадиновского типа XIII–XII вв. до н.э. (*Котович В.М., 1978. С. 96–98. Рис. 6, 8*). На Берикейском могильнике каякентско-харачоевского типа на стенках погребальных сооружений обнаружены изображения повозок (*Круглов А.П., 1958. С. 142. Рис. 68, 2; 69*). Такие же изображения повозок отмечены на скальных панно близ сел. Манас-аул Буйнакского района (*Марковин В.И., 1969. С. 94. Рис.*

39, 1). Обломки моделей повозок встречены на поселении Ачису Карабудахкентского района Дагестана (*Давудов О.М.*, 1985. С. 101–124). Такие же модели повозок происходят из азербайджанских памятников предскифского времени (*Асланов Г. М., Ваидов Р.Н., Ионе Г.И.*, 1959. С. 131. Рис. 101; *Rolle R.*, 1991. S. 85–92. АВВ 1, 5, 6). Много общего в планировке жилых сооружений, технике строительства, а также отдельных керамических формах Нижнесигитминского и Ачису поселений, а также поселений сабастиновских и белозерских культур и на памятниках Поволжья (*Кривцова-Гракова В.И.*, 1955. С. 117–118; *Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова Э.С.*, 1980. С. 40–53). Влияние сабастиновской культуры отмечено в материалах кобанской культуры Северного Кавказа. Здесь, как впрочем, и в Закавказье, отмечен обряд кремации и ритуального сжигания жертвенных животных. В.И. Козенкова полагает, что он был заимствован из областей средней Европы через посредство сабастиновских племен (*Козенкова В.И.*, 1982. С. 28). Видимо, эти племена, проникшие на территорию кобанской культуры, растворились в местной этнической среде (*Козенкова В.И.*, 1982. С. 28). В этой связи необходимо отметить, что влияние сабастиновских племен распространилось на весь Северный и Северо-Восточный Кавказ. Об этом говорят не только вышеотмеченные признаки материальной культуры, но и остатки погребальных костров внутри могил. По всей вероятности, какая-то часть сабастиновских племен, проникшая на территорию Северо-Восточного Кавказа, растворилась в местной этнической среде. Но основная масса их прошла по Прикаспийскому проходу на территорию Южного Кавказа. В составе мигрантов, проникших в Закавказье и Переднюю Азию в конце II – начале I тысячелетия до н.э., видимо, были ираноязычные племена (*Грантовский Э.А.*, 1970. С. 359–360; *Погребова М.Н.*, 1977. С. 133–136).

Со степным миром связаны и конские погребения, встреченные на памятниках Северо-Восточного Кавказа (Зандак, Сержень-Юрт, Мугерган). С конским инвентарем связаны умбоновидные бляхи, обнаруженные на Хосрехском святилище, Шахсенгерском, Алярском, Зандакском и др. могильниках. Они, как выше отмечалось, находят аналогии на памятниках Украины, Поволжья, Северного Кавказа и Восточного Закавказья (*Асланов Г. М., Ваидов Р.Н., Ионе Г.И.*, 1959. С. 97. Табл. XXI, 12, 13; *Шрамко Б.А.*, 1971. С. 92–102; *Ивановский А.А.*, 1911. С. 128, 144. Табл. VII, 9). Особого внимания заслуживает деревянная посуда, обнаруженная на памятниках Дагестана предскифского и скифского времени (Аляр, Шахсенгер, Берикей). Такая посуда является одной из характерных особенностей материальной культуры евразийских кочевников.

Надо оговориться, что некоторые украинские ученые связывают сабастиновскую культуру с киммерийцами (*Черняков И.Т.*, 1985. С. 148). Вопрос о киммерийском влиянии на материальную культуру племен Северного Кавказа имеет довольно значительную историографию. Однако мысль о контактах киммерийцев с древними племенами Дагестана, точнее о проникновении киммерийцев на юг вплоть до Главного Кавказского хребта, была высказана А.И. Тереножкиным (*Тереножкин А.И.*, 1971. С.). Это было связано с находкой на Мугерганском могильнике биметаллического меча с крестовидной рукояткой, названного им киммерийским. В настоящее время таких кинжалов-мечей в Дагестане найдено 3: на Хосрехском святилище, на Мугерганском и Шахсенгерском могильниках. Еще более убедительно киммерийско-дагестанские, раннескифско-дагестанские контакты документирует Хосрехское святилище XII–VII вв. до н.э. Это святилище по

канонам планировки и остаткам костров внутри сооружения относится к кругу индоиранских культовых строений, отражающих их представление о миропо-строении. Наиболее близкие аналогии Хосрехское святилище находит с подкур-ганным сооружением VII в. до н.э. из Ставрополя (*Петренко В.Г.*, 1983. С. 44–45). Это святилище близко и к мавзолеям 4, 5а, 7 Тагискентского могильника IX–VII вв. до н.э. (*Толстов С.П.*, 1962. С. 81–85, 201–204. Рис. 117). Одним из наиболее распространенных знаков киммерийского орнамента был круг, заключенный в квадрат, или квадрат, вписанный в круг. В религиозно-мифологической системе древних индоевропейцев мир, т.е. земля и небо, представляли в виде квадрата и круга с общим для них центром (*Лелеков Л.А.*, 1976. С. 7 и сл.; *Раевский Д.С.*, 1977. С. 105–107). Скифы, например, представляли свою землю в виде квадрата со священным источником воды в центре (*Геродот*. IV. 52, 81, 101). Костры, разводимые на вымощенном круге Хосрехского святилища и на пристенном возвыше-нии, видимо, символизировали все обновляющий эсхатологический мировой по-жар (*Лелеков Л.А.*, 1976. С. 13). Авеста, Рамаана, Махабхарата, Энеида, пехлевий-ские тексты и Эдды рассматривают эсхатологический мировой пожар в качестве обязательного условия достижения вечности. В Ригведе огонь является источни-ком бессмертия даже для богов, «стражем священного порядка», призванным «сопровождать к счастью» (Ригведа VII, 3, 3). Таким образом, Хосрехское святи-лище отражает духовный мир индоиранских племен. Из этого следует – либо святилище оставлено пришлым индоиранским племенем, либо местным населе-нием, подвергшимся влиянию индоиранских пришельцев. Но среди находок Хос-рехского святилища встречаются предметы, характерные для Передней Азии и Южного Кавказа – статуэтки оленя и быка, а также бронзовые браслеты.

Намного более выразительны на территории Северо-Восточного Кавказа ма-териалы, документирующие использование прикаспийского пути скифскими пле-менами. Скифы и сопутствующие им родственные племена вступили в военное столкновение с северокавказскими оседлыми местными племенами, что привело к опустошению ряда населенных пунктов (Аллероевское 2-е и др. поселения). Среди них следует назвать и Шахсенгерское поселение, расположенное на Прикас-пийском торговом пути. Скифские походы привели к временному сокращению численности местного населения. Грузинские и армянские письменные источники донесли до нас сведения о войне скифов с коренными народами Кавказа (тарга-мосианами – потомками единого отца-предка кавказских народов, в их числе с леками – предками современных дагестанцев)¹. Первоначально кавказские племе-

¹ По Л. Мровели, у кавказских народов картлийцев, ранов, моваканов, мегрелов, кавка-сионов, эров, леков и др. был единый отец по имени Таргамос. Он назван сыном Тарши-са, внуком Яфета – сына Ноя. После разрушения вавилонской башни и разделения языков Таргамос со своим племенем расселился в промежутке между горами Арарат и Масис. Когда же население увеличилось, Таргамос поделил земли, принадлежавшие ему, между своими детьми. «Земли же к северу от Кавказа не только не были уделом Таргамоса, но не было жителей к северу от Кавказа. Были безлюдными пространства те от Кавказа до Великой реки, что впадает в море Дарубанское. Потому-то и избрал (Таргамос) из мно-жества героев двух – Лекана и Кавкаса. Дал Лекану земли от моря Дарубанского до реки Ломеки, к северу – Великой реки Хазарети. Кавкасу – от реки Ломеки до рубежей Кавка-за на западе» (*Мровели Леонти*. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 21–22.)

Лекос – этнический предок народов Дагестана – леков. Леки – грузинское название наро-дов Дагестана. В античных источниках оно звучит как леги. В трудах грузинского писа-

на нанесли скифам поражение, воздвигли на подступах к их землям «города» и вернулись. Однако скифы перегруппировались, избрали себе нового царя и возобновили войну. В результате «полонили они землю таргамосиан». Скифский царь «отдал удел Лекана (родоначальника современных народов Дагестана – левков) своему «двоюродному брату»¹. Самый знаменитый из рода Лекана – Хозаних вынужден был отступить в горы и основать там город, названный своим именем – Хозаних или Хунзах. С тех пор в течение долгого времени все коренные кавказские народы стали данниками скифов (*Мровели Леонти.*, 1979. С. 25 и сл.). Основной дорогой скифов из Предкавказья на юг был путь через Дербентский проход. Использовались и сезонные дороги через горные перевалы (Мамисонский, Крестовый и Клухорский) (*Крупнов Е.И.*, 1954. С. 186–194; 1960. С. 54–75; *Виноградов В.Б.*, 1964. С. 21–48; *Давудов О.М.*, 1974. С. 106–109). В течение двух или трех поколений крупные отряды скифов отправлялись в переднюю Азию и Закавказье и возвращались обратно в Предкавказские степи с военной добычей.

Около 674 г. до н.э. на границе Ассирии появляются скифские войска во главе с Партатуа (Прототий). Против некогда могущественной, но ныне ослабевшей Ассирии формируется грозный союз из скифов, Мидии и Манны. Ассирийский царь Асархаддон вынужден был прибегнуть к сложным дипломатическим маневрам, чтобы разорвать единый фронт своих противников: нарушив ассирийские традиции, он выдает свою дочь за «варварского» царя Партатуа, нейтрализовав тем самым скифов. Асархаддону удалось предотвратить восстание подчиненных народов против империи.

Скифы снова появились на Переднем Востоке после 654 г. до н.э. во главе с царем Мадием – сыном Партатуа и ассирийской царевны, дочери Асархаддона, племянником Ашшурбанипала. Ассирийская дипломатия, воспользовавшись родственными связями с Мадием, направила скифские удары сначала против Мидии, а потом против киммерийцев. После победы над ними скифы распространили свое влияние по всей Азии. «Двадцать восемь лет владычествовали скифы в Азии» – пишет Геродот. Конец этого владычества наступил при мидийском царе Киаксаре (625–585 гг. до н.э.), когда последнему удалось пригласить множество скифов на пир, напоить их и перебить.

Со скифами связаны находки бронзовых наконечников стрел VII–VI вв. до н.э. в прикаспийском коридоре, по которому продвигались кочевые орды. Они прочерчивают линию, связывающую предкавказские степи с Южным Кавказом. Со скифами и их этнокультурным миром связаны также найденные в различных районах Дагестана железные мечи – акинаки с брусковидным навершием рукоятки и почковидным перекрестием (Согратль, Хосрех), брусковидным навершием и таким же перекрестием (Урцеки), скифские удила, псалии и ворворки. Большой интерес представляют типичные скифские культовые навершия, найденные на Шаракунском и Каратинском могильниках. Наиболее выразительно дагестаноскифские контакты документируют произведения декоративно-прикладного искусства – костяная булава из Берикейского могильника с навершием в виде кра-

теля X в. Евфимия Святогорца этнонимом леки названы албаны (*Кекелидзе К.С.* Вопросы классификации и географического распределения народов в древнегрузинской литературе // *Этюды.* Т. I. С. 178).

¹ За сведением о двоюродном брате скифского царя, которому дарили завоеванные земли, у Леонтия Мровели можно усмотреть факт участия в скифских походах родственников им племен.

дущегося хищника кошачьей породы, колчаный крюк, в котором сочетается изображение человеческой головы на одном конце и загнутого клюва хищной птицы на другом, из окрестностей Хасавюрта, в котором сочетаются стиль антропоморфных изображений местного населения и зооморфных изображений скифов, литая пластинчатая бляшка из Хабардинского могильника, передающая профильное изображение головы волка с раскрытой пастью, короткими ушами и небольшим глазным овалом, еще одна пластинчатая литая бронзовая бляшка в виде профильного изображения головы хищника из Аркаского городища Нах-меэр, пластинчатая бронзовая бляха в виде профильного изображения крадущегося хищника кошачьей породы с повернутой назад головой из Урцекского могильника. Из Дагестана происходят различные антропоморфные статуэтки, передающие скифские мифологические образы.

Во второй половине I тысячелетия до н.э. восточное Закавказье оказалось втянутым в международную торговлю. Истоки этой торговли следует искать в интересах Александра Македонского и его наследников к западному побережью Каспийского моря (*Арриан*. VII, 16, 1, 2). После его смерти Селевк I Никатор, царствовавший над Бактрией, Парфией и Гирканией, поручил македонцу Патроклу (312–261 гг. до н.э.) исследовать побережье Каспийского-Гирканского моря с целью открытия возможных торговых путей к народам Северной Индии (*Страбон*. II, 162). Патрокл обследовал южное и западное побережье Каспия и составил подробный отчет о своей работе. Именно на это время приходится активное функционирование Прикаспийского пути. В средневековых источниках отдельные участки его получили довольно подробное освещение: после прохождения вброд через Сунжу и Аксай переправлялись на пароме и стругах через Койсу (Сулак), далее двигались через Тарки-Бойнак – владения Уцмия Кайтагского и «на выюках промеж гор и моря ровным местом» попадали в Дербент и далее, затем в Закавказье (Хождение купца Федотова Котова в Персию, 1858. С. 34, 70; *Умаханов М.-С.К.*, 1984. С. 148–162. Там же. литература). На одном конце этого пути в интересующее нас время находился Танаис, представлявший собой общий торговый центр античного Причерноморья и евразийских кочевников (*Страбон*. IX, 2, 3), на другом – Акбатана, расположенная на перекрестке наиболее оживленных торговых путей древнего Востока, в частности, на магистрали, шедшей из Индии в Селевкию через Кандагар – Герат – Гекатомпилос и к Акбатане. Прикаспийская дорога выходила на Армянскую дорогу (Акбатана–Артаксата) и пересекалась с т.н. северным путем, проходившим через Бактру (Балх), по реке Оксус, Каспийское море, по реке Куре к Фасису и Черному морю (*Страбон*. IX, 7,3; *Солин Юлий*. XIX, 4,5; *Тарн В.*, 1949. С. 220; *Манандян Я.А.*, 1954. С. 52–96; *Тревер К.В.*, 1959. С. 43–44; *Ямпольский З.И.*, 1956. С. 161–180; *Гозалишвили Г.К.*, 1956. С. 150–153; *Лордкипанидзе Д.*, 1957. Т. XIX. С. 373–389; *Ваидов Р.М.*, 1961. С. 90 и сл.; *Алиев К.*, 1974, С. 274 и сл.).

В науке широко распространена точка зрения о торговле между Западом и Востоком через Дербентский проход (*Тревер К.В.*, 1959. С. 83–84; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. С. 97–98; *Алиев К.*, 1974. С. 257–309. Там же литература). Е.А. Пахомов, например, на основании находок монет Готарза в Ставропольском крае и Терской области высказывал мысль о существовании Прикаспийского торгового пути (*Пахомов Е.А.*, 1926. С. 18). Ш. Исмизаде указывал, что пути, связывающие Азербайджан с Северным Кавказом и Дагестаном, шли через Дербентский проход и перевалы Салават, Курушдереси, Херакова,

Малкамуд и др., пересекающие Главный Кавказский хребет недалеко от селений Хачмас, Бум, Куткашен, Бардам и др. (*Исмизаде О.Ш.*, 1956. С. 77). М.М. Расулова также считает, что пути связывающие Азербайджан с внешним миром, проходили через Дербентский проход и горные перевалы Большого Кавказа (*Расулова М.М.*, 1969. С. 11–12). В.П. Дзагурова существование торговой дороги через Дербентский проход аргументировала внешнеполитическими интересами селевкидского государства (*Дзагурова В.П.*, 1975. С. 63–65; 1978. С. 29–40). В.Г. Котович, доказывая тезис о наличии транскавказского международного торгового пути через Дербентский проход, связывал с ним конкретные археологические памятники в Прикаспийском Дагестане (*Котович В.Г.*, 1978. С. 54–61). Говоря об аорсской караванной торговле, С.И. Лукьяшко также дает предпочтение восточному направлению связей опять-таки через Дербентский проход (*Лукьяшко С.И.*, 1984. С. 161–165). Специальную монографию посвятил этой дороге и торговле между Востоком и Западом М.С. Гаджиев. Он обстоятельно разобрал все вопросы, связанные с торговлей между Западом и Востоком (*Гаджиев М.С.*, 1997).

Большинство исследователей, в том числе и М.С. Гаджиев, сопоставляет аорсскую торговую дорогу с Прикаспийской дорогой через Дербентский проход. Вместе с тем акад. Я. Манандян проводит «торговую дорогу аорсов» по меотоколхидскому тракту (*Манандян Я.О.*, 1954. С. 52–59, 96), а К. Алиев – по Дарьяльскому проходу (*Алиев К.*, 1974. С. 266–269). Нам трудно согласиться с ними. Их выводы никак не согласуются с основными источниками, лежащими в основе истории аорсской торговли. По Страбону верхние аорсы «занимают более обширную область, владея почти, что большей частью побережья Каспийского моря. Поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев» (*Страбон*. XI, 5,8). Здесь недвусмысленно указывается на торговую дорогу именно в пределах Прикаспийской территории, где локализовались верхние аорсы. Районы же Западного и Центрального Кавказа в пределы влияния верхних аорсов не входили. Такой путь мог быть только Прикаспийским, проходящим по дербентскому дефиле. К тому же вряд ли верблюжьи караваны были способны одолеть каменистые дороги Дарьяльского прохода и труднодоступный в то время Меото-колхидский тракт (*Лавров Л.И.*, 1965. С. 223–225).

К этому пути приурочены крупные укрепленные поселения, городища – Дербентское, Хамзин (городище в долине реки Гамри-озень), Урцекское, Торпак-кала и др. Для их структуры характерны цитадель, шахристан и торгово-ремесленный посад – рабат. Эти материалы указывают на торгово-ремесленную функцию памятников. Они по своим размерам, по трехчастной структуре, по находкам дворцово-храмовых сооружений и др. признаются в качестве городов. Интересно и то, что они продолжают линию азербайджанских городов, расположенных на торговых магистралях, проходивших по Прикаспийской территории, через Дербентский проход и связывал Юго-Восточную Европу со странами Закавказья и Передней Азии.

Дагестанские ремесленные центры, большинство из которых были сосредоточены в городах, производили продукцию, пользовавшуюся большим спросом не только на территории собственно Дагестана, но и далеко за его пределами. В памятниках Поволжья сарматского времени, например, встречены характерные дагестанские ремесленные изделия – украшения (височные привески с разомкнутыми концами, овальные привески с утолщенными концами) и керамика – двуруч-

ные сосуды, кувшины со сливными носиками, с расширяющимся к устью горлом, с ручкой поильником, одноручные кувшины с биконическим туловом и др. (*Синицын И.В.*, 1960. С. 34–37, 76, 79, 100; рис. 11,3; 11,6; 13,3,2; 29,3,7; 36,8; 1959. С. 80, 91, 93, 100, 200; рис. 18,9 23,8,11; 30а, 4; *Смирнов К.Ф.*, 1959. С. 260, 274, 230; Рис. 22,1;26,8; 23,1; *Шилов В.П.*, 1959. С. 480. Рис. 53,15). В памятниках Подонья известны серые лощеные миски и кувшины со сливными носиками, происходящие из дагестанских керамических центров (хр. в фондах Ростовского государственного университета). Видимо, на продажу шла и другая ремесленная продукция Дагестана, в частности, льняные и шерстяные ткани, а также продукция животноводства, земледелия, охоты и рыболовства.

Многие из этих изделий шли на обмен с кочевниками. Особую потребность должны были испытать кочевники в различных продуктах земледелия: в зерновых культурах, бобовых, орехах, фруктах, включая виноград и т.д. На продажу шла продукция рыболовства. Остатки осетровых рыб обнаружены и на дагестанских памятниках: Макинском, Бавтугайском поселениях, Аркаском «Нах-меэр» городище и т.д. По Кл. Элиану, каспии славились умением приготавливать рыбу и рыбную продукцию: «Я слышал, что в каспийской земле есть огромное озеро, в котором водятся большие рыбы, называемые «остроносими» (осетр). Они достигают даже восьми локтей длины. Каспии ловят их, посыпают солью и приготавливают соленье или сушат, затем навьючивают на верблюдов и везут в Экбатану. Вырезав жир из этих рыб, они делают из него мазь и соленье, продают, а рыбьим маслом, очень жирным и не вонючим, мажутся. Внутренности рыб они вынимают, варят и выделывают из них клей, очень годный к употреблению: он все склеивает очень крепко, держится на всем, к чему прилипнет, и очень прозрачен на вид. Он так скрепляет все, что им склеят, что даже мочить его десять дней, он не распустится и не отстанет. Даже мастера изделий из слоновой кости употребляют его и выделывают прекрасные вещи» (*Элиан Кл.* Кн. XVII, Гл. 17).

Ввозили, как правило, предметы роскоши и реже – быта. На дагестанских памятниках встречаются привозные фибулы, зеркала, пряжки, колокольчики, браслеты с завязанными концами, разнообразные височные колечки, туалетные коробочки, игольники, румяна, раковины каури, бусы из сердолика, янтаря, горного хрусталя и халцедона, были и мелкие подвески из египетского фаянса (рифленные, округлые, биконические бусы, плакетки с изображениями скарабеев, лягушек, львов, беса, подвески в виде кукишей, души «ба» и др.), а также стеклянные бусы, в том числе и с внутренней позолотой и посеребрением. Эти вещи поступали в Дагестан из Причерноморья и Поволжья или из Передней Азии и Южного Кавказа. Так, основная группа фибул происходила из производственных центров Северного Причерноморья и Подонья. Она очерчивает линию связи между Боспором, с одной стороны, и Дагестаном и Азербайджаном, с другой. Тоже самое следует сказать о браслетах с завязанными концами и о многих других украшениях. Из районов Нижнего Поволжья попали в Дагестан алебастровые пряслица, костяные коробочки-игольницы, круглые, плоские бляхи-застежки с отверстием в центре или с шестью выступами по краям, пряжки-сюльгамы и др. изделия.

Особое место в торговле древнего населения Дагестана занимает олово – стратегически важное сырье, необходимое для производства бронзы. Его употребление в качестве примеси широко практиковалось с конца II – начала I тысячелетия до н.э. На Кавказе, как полагают некоторые исследователи, олова нет (*Иессен А.А.*, 1935. Вып. 110. С. 102–105; *Каишай М.А.*, *Селимханов И.Р.*, 1973. С.

142–148). Правда, В.И. Марковин полагает, что на территории Северного Кавказа имеются залежи касситерита — оловянного камня, которые в древности вполне могли удовлетворять нужды мастеров. А первоначально медную руду в соответствующих пропорциях смешивали с оловянным камнем и плавил металл (*Марковин В.И.*, , 1994. С. 5–10). Мы не имеем основания для окончательного утверждения тезиса о добыче касситерита в Дагестане. Следовательно, с большей долей вероятности можно допустить, что олово импортировали сюда извне. Оно могло поступить из различных очагов добычи, расположенных в Великобритании, Италии, Казахстане и даже в Малаке. При функционировании торговых путей, связывающих эти районы с Ближним Востоком и Кавказом, мы не вправе исключить ни один из этих источников, как и исключить местную добычу.

На южное направление связей указывают находки стеклянных бус с золотой или серебряной прокладкой, раковин каури, разнообразных изделий из полудрагоценных камней (бусы, вставки в диадему в виде женской головки) и многое другое. По всему западному побережью Каспия известны находки разнообразных монет и целые монетные клады. Так, в Азербайджане найдены клады и отдельные монеты Александра Македонского, парфянских, бактрийских и селевкидских царей, римские динарии и местные подражания привозным монетам (Шемаха, Кабала, Ньюди, Тазакент, Мингечаур, Барда, Ордуад, Хыныслы, Физули, Чухурюрт, Нахичеван, Ялойлутепе и др.) (*Пахомов Е.А.*, 1938. С. 9; 1957. С. 23; 1966. С. 19–21; 1962. С. 106–113; *Казиев С.М., Бабаев И.А.*, 1971. С. 16–32; *Османов Ф.Л.*, 1982. С. 116–119; *Алиев К.*, 1974. С. 298–301; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. С. 104), в Дагестане у поселка совхоза им. Гирейханова обнаружены монеты Антиоха IV Эпифана (176–164 гг. до н.э.) (История Дагестана, 1967. С. 112; *Дзагурова В.П.*, 1978. С. 29–40) и Птолемея III Эвергета (246–222 гг. до н.э.) (*Гаджиев М.С.*, 1990. С. 53). Из Чечни и Ингушетии происходят римский денарий жены Марка Аврелия (161–180 гг. до н.э.) – Фаустины Младшей (на хуторе Капустин Наурского района) (*Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А.*, 1979. С. 46, 53; Рис. 4,31), монеты Александра Македонского (187–31 гг. до н.э.), римских (Тиберия – 14–37 гг. до н.э., Диоклетиана 284–305 гг., Юлиана – 361–363 гг.) и византийских (Иоана I Цимисхей – 969–976 гг.) императоров в кладе из г. Грозного, а также подражания римским денариям – клад из станицы Червленной Шелковского района (*Виноградов В.Б.*, 1981. С. 5–8; 1982. С. 18–39), в Ставропольском крае — парфянские монеты Готарза (*Пахомов Е.А.*, 1926. С. 18), в Поволжье – парфянские монеты Митридата II (124–88 гг. до н.э.), Орода I (80–78 гг. до н.э.), Фраата III (70–58 гг. до н.э.), Готарза II (43–50 гг.), Вологеза и др. Сходную картину дают находки керамических изделий, характерных для ялойлутепинских памятников Азербайджана. Таковы кувшины-молочники, зооморфные сосуды и сосуды с крышками и с горизонтально смоделированными ручками, двуручные горшки, вазы, кувшины и происходящие с территории Дагестана и Северного Кавказа. Все эти находки очерчивают довольно четкую линию торговой магистрали между Южным Кавказом и Северным Причерноморьем, между Южным Кавказом и Поволжьем.

С этим путем связаны сарматские тамгообразные знаки, обнаруженные на скалах Уйташ, недалеко от современного аэродрома. В более позднее время эта дорога стала называться Великим шелковым путем и принесла прогресс народам, расположенным на ее подступах.

В Кавказской Албании и в дагестанской ее части функционировали и местные торговые пути. Так, через перевалы Главного Кавказского хребта проходили тропы, соединявшие Восточное Закавказье с Дагестаном. Таким был, прежде всего, низкий Салаватский перевал. Через Саваланский проход, например, идет дорога, ответвляющаяся на запад к Мингечауру и на восток – к Каспию, по выходе ее из Турьянчайской долины. К югу от Кабалы она называется дорогой послов – «Элчи ёлу» или торговой дорогой – «базырган ёлу» (*Исмизаде О.Ш.*, 1956. С. 78; *Тревер К.В.*, 1959. С. 84; *Гадиров В.Ф.*, 1969. С. 5–8; *Алиев К.*, 1974. С. 204). Другая – «Алванёлу», расположенная восточнее предыдущей, проходит через горную систему Конделендаг и соединяется с караванным маршрутом, шедшим по Турьянчайскому ущелью.

В пределах самого Дагестана функционировали многочисленные древние тропы, выходящие к международным магистралям. Все они проходили через горные перевалы и речные долины. Многие из них сохранились до средневековья и современности. Х.О. Хашаев, например, называет внутренние пути, связывающие Дагестан с Закавказьем и Северным Кавказом. К ним относятся дороги, проходящие через Ахты, Нуху до Баку; через Кумух в Закаталы; через Бежта в Кахетию; через Анди в Харачой и далее в Северный Кавказ; через Чирката, Аргун, Нижний Буртунай в Хасавюрт; через Гимры, Верхний и Нижний Каранай в Темир-Хан-Шуру; через Аймаки, Дженгутай в Темир-Хан-Шуру; через Араканы в Дженгутай; через Левашы, Дженгутай в Темир-Хан-Шуру; через Левашы, Дешлагар, Каякент в Дербент; через Кумух, Хосрех, Касумкент в Дербент; через Уркарах, Маджалис в Дербент; затем Дербент Ахты – Нуха; Ахты – Куба – Старая Шемаха – Баку и т.д. (*Хашаев Х.-М.О.*, 1961. С. 110). Важное значение имела дорога, связывающая Самурскую долину с Северным Кавказом в обход Прикаспийского пути (Самурская долина – Курах – Кумух – Чох – Гидатль – Асаб – Ахвах – перевал Харамя на Андийском хребте и в Чечню). После селения Асаб, на горе Харачи эта дорога ответвлялась и шла на Хунзахское плато (*Малачиханов Б.*, 1965. С. 185–187). В XVII в. функционировали дороги, идущие от Тарки через Таркалы, Кафыркумух в Казикумух, а затем через Дульгыдагский перевал в Закаталы; из Казикумуха через Турчидагский перевал в Согратль – Чох – Гуниб и далее; из Чечни в Гумбет – Аварию – Андалял – Гид и через перевал у истоков Аварского Койсу в Грузию (Очерки истории Дагестана, 1959. С. 102). Были пути, связывавшие Гамри с Дербентом через Утамыш – Башлы; Каба-Дарго с Акуша-Дарго (*Алиев Б.Г.*, 1972. С. 82–83); Касумкент – Цмур – Ичин – Ашагазахид – Хоредж – Байбулак – Рича – Чирах – Хосрех (*Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.*, 1964. С. 89–91), Кумух – Хуна – Уллучара – Танты – Гапшима – Акуша – Великент – Дербент; Цовкра I – Дуакар – Кубачи – Уркарах – Маджалис – Дербент; Казикумух – Хосрех – Харбук – Кубачи и т.д. (*Булатова А.Г.*, 1971. С. 76–77). Все эти дороги проложены по наиболее доступным естественным перевалам, склонам и долинам и использовались в течение весьма продолжительного времени. Они служили как для торгово-экономических, так и для культурных контактов. На этих торговых путях и выросли крупные городища, обладающие всеми признаками городов.

Таким образом, технический прогресс, связанный с расцветом металлургии и металлообработки, приведший к отделению ремесла от земледелия, привел и к развитию торговли. Важным и убедительным показателем перерастания простого обмена в торговлю является появление всеобщего эквивалента товара – денег, наиболее ранние образцы которых на территории Кавказской Албании относятся

к IV в. до н.э. Это отдельные монеты и целые клады. При этом здесь, как и на всем Востоке, получает развитие внешняя торговля, так или иначе связанная с государством и правящей верхушкой общества (*Маркс К.* Т. 46. Ч. I. С. 464). Не менее важную роль, очевидно, играла внутренняя торговля. Специализация ремесел должна была стимулировать именно такую торговлю, что в первую очередь связано с большими строительными работами этого времени (о них уже говорилось) (*Кудрявцев А.А.*, 1982. С. 19). Вся эта внутренняя торговля, очевидно, была тесно связана с внешней торговлей. Вместе с тем, особенно в сельских местностях, видимо, продолжал преобладать простой обмен товара на товар. Ограниченное количество находок монет и монетных кладов в Албании, и особенно на ее дагестанской территории, свидетельствует о наличии внутренней меновой торговли. Следовательно, широкая внешняя торговля была способна лишь частично поколебать прочные основы замкнутых общин Восточного Кавказа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алиев Б.Г.*, 1972. Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. Махачкала.
- Алиев К.*, 1974. Кавказская Албания. Баку.
- Амирханов Х.А.* 1977. Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.
- Амирханов Х.А.*, 1985. Чохская археологическая культура и проблемы культурных ареалов раннего голоцена кругокаспийской области // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Амирханов Х.А.*, 1987. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.
- Амирханов Х.А.*, 2007. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. М.
- Асланов Г. М., Ваидов Р.Н., Ионе Г.И.*, 1959. Древний Мингечаур: (эпоха энеолита и бронзы) / АН Азербайджанской ССР. – Баку.
- Атаев Г.Д.*, 1980. Гробницы эпохи бронзы у с. Новый Чиркей // III конф. молодых ученых: Тез. докл. Махачкала.
- Атаев Г.Д.*, 1982. Памятники эпохи ранней и средней бронзы бассейна р. Сулак в Дагестане // XII Крупновские чтения: Тез. докл. М.
- Атаев Г.Д.*, 1985. Погребальный обряд присулакских памятников в эпоху средней бронзы // Тез. докл. V конф. молодых ученых. Махачкала.
- Атаев Д.М.*, 1970. Могильник в местности «Чампар» у города Махачкалы // Уч. записки Института ИЯЛ ДагФАН СССР. Махачкала. Т. XX.
- Бабаев И.А., Казиев С.М.*, 1971. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. IX.
- Бадер Н.О.* 1965. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита // СА. № 4.
- Березанская С.С., Отроценко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова Э.С.*, 1980. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Борухович В.Г.*, 1964. Ахейцы в Малой Азии // ВДИ. № 3.
- Булатова А.Г.*, 1971. Лакцы: (XIX – нач. XX вв.). Махачкала.
- Брэде К.А.*, 1959. Новые поселения на Сулаке // Тез. докл. на научной сессии ИИЯЛ. Дагфилиала АН СССР, посв. археологии Дагестана. Махачкала.
- Ваидов Р.М.*, 1961. Мингечаур в III–VIII вв. Баку.
- Виноградов В.Б.*, 1964. О скифских походах через Кавказ // Сборник статей. К 60-летию Е.И. Крупнова. Грозный.
- Виноградов В.Б.*, 1981. Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии. Грозный.

- Виноградов В.Б.*, 1982. Судьбы древних монет. Грозный.
- Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А.*, 1979. К этнической истории Северо-Западного Прикаспия в I тысячелетии до н.э. – XIII в. н.э. (Предварительное сообщение) // Археология и вопросы этнической истории. Грозный.
- Гаджиев М.Г.*, 1969. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: Могильник Гинчи. Махачкала.
- Гаджиев М.Г.*, 1974. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала. Т. 5.
- Гаджиев М.Г.*, 1979. Северо-Восточный Кавказ и куро-аркская культура // IX Крупновские чтения: Тез. докл. Элиста.
- Гаджиев М.Г.*, 1980. Древнейшие поселения горного Дагестана // Древние и Средневековые археологические памятники Дагестана: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала. Т. 9.
- Гаджиев М.Г.*, 1981. Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла // Керамика древнего и средневекового Дагестана: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала. Т. 10.
- Гаджиев М.Г.*, 1982. К истории зодчества Дагестана // Мат. сесс., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестана в 1980–1981 гг. Тез. докл. Махачкала.
- Гаджиев М.Г.*, 1982в. О соотношении палеолитических археологических эпох и культур на Восточном Кавказе // XII Крупновские чтения. Тез. докл. М.
- Гаджиев М.Г.*, 1983. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г.*, 1984а. Генезис погребальных сооружений эпохи ранней бронзы в Дагестане // XIII Крупновские чтения: Тез. докл. Майкоп.
- Гаджиев М.Г.*, 1984б. Горы и степи в эпоху раннего металла: по данным археологии Северо-Восточного Кавказа // Душеттская научная конференция, посв. проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами. Тбилиси.
- Гаджиев М.Г.*, 1986. К этнографии Кавказа эпохи неолита и ранней бронзы // XIV Крупновские чтения: Тез. докл. Орджоникидзе.
- Гаджиев М.Г.*, 1987. Культура раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа: Эпоха неолита и ранней юронзы: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ереван.
- Гаджиев М.С.*, 1990. Бронзовый зооморфный сосуд из Шаракунского клада // Памятники древнего искусства. Махачкала.
- Гаджиев М.С.*, 1997. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала.
- Гадиров В.Ф.*, 1969. Северные оборонительные сооружения Азербайджана (на основе памятников бывшего Кабалинского магала VI–XIV вв. Автореф. дисс. канд. наук. Баку.
- Гозалишвили Г.К.*, 1956. О древнем торговом пути в Закавказье // Труды АН Грузинской ССР. Институт истории. Тбилиси. Т. II.
- Грантовский Э.А.*, 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.
- Давудов О.М.*, 1974. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала.
- Давудов О.М.*, 1985. Поселение Ачису // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Давудов О.М.*, 2000. О контактах древнего населения Дагестана с ираноязычными кочевниками // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Махачкала.
- Джавахишвили А.И.*, 1973. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V–III тыс. до н.э. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М.*, 1980а. К раннему этногенезу // Историко-филологические изыскания. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М.*, 1980б. Эпоха ранней бронзы в Закавказье (III тыс. до н.э.) // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси.
- Дзагурова В.П.*, 1975. Монеты Антиоха IV Эпифана в Дагестане // V Крупновские чтения: Тез. докл. Махачкала.

- Дзагурова В.П.*, 1978. Монеты Антиоха Эпифана в Дагестане // Проблемы социально-экономического развития Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии.
- Ивановский А.А.* 1911. По Закавказью // МАК. Т. VI.
- Иессен А.А.*, 1935. Олово Кавказа // Изв. ГАИМК. М. Вып. 110.
- Исмизаде О.Ш.*, 1956. Ялойлутепинская культура. Баку.
- История Дагестана. М. Т. I.
- Казиев С.М., Бабаев И.А.*, 1968. Раскопки древней Кабалы // Археологические открытия 1967. М.
- Канивец В.И.*, 1957. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. // Уч. зап. ИИЯЛ. Махачкала. Т. III.
- Канивец В.И.*, 1959. Миатлы – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // МАД. Махачкала. Т. 1.
- Каишай М.А., Селимханов И.Р.*, 1973. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку.
- Кекелидзе К.С.*, Вопросы классификации и географического распределения народов в древнегрузинской литературе // Этюды. Т. I.
- Козенкова В.И.*, 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. М.
- Котович В.Г.*, 1978. Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути // Проблемы археологии. М. Вып. 2.
- Котович В.Г.*, 1982. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.
- Котович В.Г., Котович В.М.*, 1979. О древнем обряде срубных захоронений в Дагестане и на Кавказе // IX Крупновские чтения. Тез. докл. Элиста.
- Котович В.М.*, 1965. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана: К истории дагестанских племен в конце III тыс. до н.э. Махачкала.
- Котович В.М.*, 1978. Мискинбулакский могильник // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Кривцова-Гракова В.И.*, 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46.
- Круглов А.П.*, 1946. Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н.э. Тезисы кандидатской дисс. // КСИИМК. М. XII.
- Круглов А.П.*, 1958. Северо-Восточный Кавказ во II–I тысячелетиях до н.э. // МИА. № 68.
- Крупнов Е.И.*, 1954. О походах скифов через Кавказ // ВССА. М.
- Крупнов Е.И.*, 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Кудрявцев А.А.*, 1982. Великий город на Каспии. Махачкала.
- Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н.*, 1970. Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н.э.). Л.
- Лавров Л.И.*, 1965. О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию // СА. № 3.
- Лелеков Л.А.*, 1976. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н.э. // ИКНСА.
- Лордкипанидзе Д.*, 1957. О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху // Сообщение АН Груз. ССР. Т. XIX.
- Лукьяшко С.И.*, 1984. О караванной торговле аоросов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Малачиханов Б.*, 1965. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане: (Материалы по истории нагорного Дагестана) // Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР, Махачкала. Т. XIV.
- Манандян Я.О.*, 1954. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древнейших времен (V в. до н.э. – XV в. н.э.). Ереван.
- Марковин В.И.*, 1969. Дагестан и горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура // МИА. № 122.
- Марковин В.И.*, 1976. Рец. на кн.: Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. 189 с. // СА. № 3.

- Марковин В.И.*, 1994. Об использовании оловянного камня на Северном Кавказе в древности // Тез. докл. научн. сесс., посв. итогам эксп. иссл. Институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992–1993 гг. Махачкала.
- Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. I.
- Мровели Леонтиш*, 1979. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М.
- Мунчаев Р.М.*, 1961. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала. Т. 2.
- Мунчаев Р.М.*, 1961. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. № 100.
- Мунчаев Р.М.*, 1975. Кавказ на заре бронзового века: Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.*, 1956. Памятники эпохи бронзы в Дагестане: Курганная группа у ст. Манас // СА. № 26.
- Османов Ф.Л.*, 1982. Материальная культура Кавказской Албании. IV в. До н.э. – III в. Н.э. Баку.
- Очерки истории Дагестана. М. Т. I.
- Пахомов Е.А.*, 1926. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку. Вып. I.
- Пахомов Е.А.*, 1938. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку. Т. II.
- Пахомов Е.А.*, 1957. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку. Т. VII.
- Пахомов Е.А.*, 1962. Античные монеты в Албании: (в пределах Азербайджанской ССР) // Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962.
- Пахомов Е.А.*, 1966. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку.
- Петренко В.Г.*, 1983. Скифская культура на Северном Кавказе // Археологический сборник. Л. № 23.
- Погребова М.Н.*, 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.
- Расулова М.М.*, 1969. Связи Кавказской Албании с античным миром в IV в. до н.э. – III в. н.э. Автореф. дисс. канд. наук. Баку.
- Раевский Д.С.*, 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
- Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.*, 1964. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
- Расулова М.М.*, 1969. Связи Кавказской Албании с античным миром в IV в. до н.э. – III в. н.э. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Баку.
- Синицын И.В.*, 1959. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. № 60.
- Синицын И.В.*, 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954 – 1955 гг.) // МИА. № 78.
- Смирнов К.Ф.*, 1959. Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 60.
- Тарн В.*, 1949. Эллинистические цивилизации. М.
- Тереножкин А.И.*, 1971. Киммерийцы и Кавказ. ТД СПИПАИ 1970. Тбилиси.
- Толстов С.П.*, 1962. По дельтам Окса и Яксарта. М.
- Тревер К.В.*, 1959. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.; Л.
- Умаханов М.-С.К.*, 1984. Торговые пути Дагестана в XVI—XVIII вв. // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала.
- Хашаев Х.-М.О.*, 1961. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.
- Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1858.
- Черняков И.Т.*, 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. Киев.

- Шилов В.П.*, 1959. Калиновский курганный могильник // МИА. № 60.
- Шрамко Б.А.*, 1971. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // МИА. № 177.
- Ямпольский З.И.*, 1956, К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре через Грузию к Черному морю // Тр. Ин-та истории АН Груз. ССР. Тбилиси. Т. II.
- Rolle R.*, 1991. Stat auf Radern zur Entwicklung des nomadischen Wohnwagens // Gold der Steppe archaologie der Ukraine. Schleswig.
- Sandars N.K.* The Sea Peoples: Warriors of the ancient Mediterranean 1250–1150 b P.